

Вечеринка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Sasha Han

Sasha Han

Вечеринка

<https://litres.ru/74030423>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мила привлекательная девушка из хорошей обычной семьи.

И вдруг ее друг-мажор Олег, который поддерживал с ней отношения для того, чтобы повисить свою успеваемость, приглашает к себе в дом на вечеринку!

Вау - от таких предложений не отказываются! Но в чем его истинный мотив?

Зачем он запер меня здесь? Через прозрачную дверь хамама и огромные окна в здании бассейна я видела, как разъезжаются все гости.

Наконец дверь открылась.

- Не ожидала? - это был не Олег ...

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	16
Глава 4.	22
Глава 5.	28
Глава 6.	34
Глава 7.	40
Глава 8.	46
Глава 9.	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Sasha Han

Вечеринка

ВЕЧЕРИНКА

Это Трилогия:

Вечеринка

Братишка

Любовь без правил

Глава 1.

Тусклый оранжевый свет. Тишина — такая плотная, что давит на уши, забивается внутрь, заполняет голову ватным гулом. Я лежала на нижнем уровне хамама, прижавшись щекой к прохладной плитке, и чувствовала, как холод медленно просачивается через тонкую ткань синего костюмчика, пробирается к коже, расплзается по телу. Запах эфирных масел — сладковатый, густой, чуть навязчивый — стоял в воздухе неподвижно, как будто тоже заперт вместе со мной. Я вдыхала его и чувствовала, как он оседает на нёбе, липкий и тяжёлый.

Олег закрыл меня здесь. Просто — взял и закрыл.

Ещё совсем недавно он показывал мне бассейн. Вода переливалась синими бликами от подсветки — почти неоновая, волшебная, светящаяся изнутри, я видела, как плавные волны от фильтров колышут отражение потолочных ламп, дробят его на десятки осколков. Плиточка морской волны, глянцевая, холодная на вид, и песочная местами — я чувствовала её гладкость взглядом, хотелось провести ладонью. Стояли пальмы в кадках — большие, тёмно-зелёные в полумраке, для настроения, что ты почти в тропиках. Их листья чуть покачивались, хотя ветра не было — наверное, от тёплого воздуха, который поднимался от воды. Слышалось тихое журчание фильтров, мерное, убаюкивающее. Само зда-

ние было с огромными окнами в пол, за которыми темнота и снег. Но внутри — тепло, влажно, и пахнет чем-то... но не хлоркой. Чем-то чистым, почти свежим, как после дождя.

Я сказала «Классно тут» — и это было искренне. Правда классно. Я слышала свой собственный голос — он звучал восхищённо, немного по-детски, и мне даже стало чуть неловко от этого. А он повёл показывать хамам, стал что-то рассказывать про плиточку, где заказывали, голос звучал обыденно, спокойно — про ремонт, про материалы. Его слова отдавались лёгким эхом в замкнутом пространстве бассейна. И я оказалась внутри — вижу облицованные плиткой стены, чувствую прохладу, слышу эхо наших шагов, — а Олег...

— Сейчас, подожди, — слышу его голос, он стал отдалённым, и... слышу звук захлопнувшейся двери — громкий, финальный хлопок, от которого я вздрогнула всем телом. Зачем? Что он делает? Он закрыл дверь с другой стороны! Бегу к двери, хватаюсь за ручку — скользкая под вспотевшими пальцами — не поддаётся. Вижу его силуэт через матовое стекло — размытый, нечёткий, как в плохом сне. Он махает мне ручкой. Вижу размытое движение его руки — почти весёлое, словно прощается перед тем, как уйти в магазин за хлебом.

Зачем он меня здесь закрыл?! Сердце участилось, дыхание тоже — слышу его, громкое, рваное, оно отражается от стен и возвращается ко мне, как чужое. Я кинулась к двери,

стала стучать — слышу глухие удары своих кулаков по стеклу, эхо в замкнутом пространстве, но он ушёл! А там же никого нет. Было очевидно, что даже если буду кричать — никто не услышит. Кричу «Олег!» — голос отражается от стен, мечется между ними, но не выходит наружу. Горло сжимается, слова становятся хриплыми.

Я просто не понимала, что происходит. Зачем?! Он мне и так нравится... А... сумка моя с телефоном была в прихожей. Я как-то не думала таскать её с собой — селфи я поделала в начале вечера и положила телефон обратно, думая, что обязательно где-нибудь его посею, забуду. У моего синего костюмчика не было карманов.

И что мне делать? Опускаюсь на прохладный пол, обхватываю себя руками. Чувствую, как холод плитки проникает через ткань брюк, стылый, неудобный. Вывод был очевиден — ждать, пока он меня откроет. Ну зачем?! Зачем он меня здесь запер? Время шло, слышу тиканье часов в голове, каждая минута тянется вечность, превращается в густую, вязкую массу. Через стеклянную дверь и огромные окна бассейна я видела размытые силуэты, фары машин — жёлтые, красные, они скользили по стенам, как блуждающие огни, — слышала приглушённые звуки отъезжающих авто, хлопанье дверей, рёв двигателей, чей-то далёкий смех. Потом всё стихло. Очевидно, никакого афтерпати утром не планировалось.

В хамаме горел тусклый свет — оранжевый, тёплый, но не согревающий. Он ложился на плитку медленно, лениво,

окрашивая её в цвет жжёной карамели. Ну там и не должно быть яркого света. Естественно, в плане пара и температуры он был выключен. Чувствую холод плиточки под собой, запах эфирных масел — они теперь раздражали, казались приторными, удушающими. Веки тяжёлые, усталость накачивается волнами — горячими, обволакивающими, — я просто легла прямо там, на нижнем уровне. Подтянула колени к груди, чувствуя, как ткань костюмчика натягивается на спине.

А что мне делать было?! Я совершенно не понимала, ни зачем он это сделал, ни когда вернётся. Но надеялась, что совсем скоро.

— Ми-ла.

Голос. Незнакомый. Низкий, грубый — он прокатился по замкнутому пространству хамама, как камень по дну колодца. Сначала я услышала своё имя — произнесённое по слогам, медленно, как будто пробуют на вкус, — и потом увидела, как открывается дверь. Скрип петель, полоска света расширяется — тёплая, золотистая, она режет оранжевый полумрак. Кто-то открыл дверь. Резко поднимаю голову, шурю от света.

Но это был не Олег.

Это его тот друг, с которым я его чаще всего видела. Вижу высокую фигуру в дверном проёме, широкие плечи, тёмный силуэт на фоне яркого света — как вырезанный из чёрной бумаги. Высокий и довольно накачанный парень. Я его ви-

дела пару раз — в Универе он появлялся нечасто, но Олег всегда был с ним. Он спускался по лестнице на вечеринке, и тогда Лиза — девчонка, с которой мы делали селфи — сказала «И он здесь» как-то напряжённо, почти испуганно. Я слышала, как изменился её голос — из звонкого и весёлого он стал глухим, надломленным. Она передёрнула плечами — резко, нервно — и тут же куда-то упорхнула, как вспугнутая птица. Тогда я не придавала этому значения. А сейчас вдруг вспомнилось.

Глава 2.

Чувствую, как внутри всё сжимается от страха — холодный ком формируется где-то под рёбрами, растёт, давит на диафрагму. Симпатичный? Наверное. Не как Олег. Вообще другой. Он как-то и повзрослее, и более у него такая внешность... мужская, что ли. Тяжёлая, чёткая, без этой мальчишеской мягкости, которая была у Олега.

— В туалет хочешь? — слышу его вопрос, голос спокойный, даже заботливый. Задал он простой и правильный вопрос! Голос отдаётся в хамаме мягким басом.

— Хочу! — голос хриплый от того, что я сидела здесь и молчала. Даже приснула. Я понимала, что не просто хочу — а очень-очень надо срочно! Сколько я вообще тут пробыла?! Ноги затекли, когда встала — чувствую покалывание в ступнях, тысячи мелких иголочек.

Туалет с переодевалкой и душем был там же, рядом с бассейном и, собственно, самим хамамом. Иду быстро, почти бегу, слышу стук своих туфель по плитке — цокот каблучков разносится по пустому помещению. Быстренько заскочила. Закрываю дверь, опираюсь на раковину — фарфор холодный, гладкий под ладонями, — смотрю на своё отражение. Глаза стали чуть красноватыми, а лицо бледным. Тушь чуть поплыла под нижним веком — вижу тёмную размазанную линию, как след от слезы, которую я даже не заметила.

Блин — а что всё это значит?

Как только вышла из туалета, вижу, как он быстро приближается — его шаги тяжёлые, уверенные, я слышу их за мгновение до того, как чувствую. Боря — его так звали, я знала только имя — припечатал меня к стене. Чувствую холод плитки спиной — он пробивается через тонкую ткань кофточки, обжигает холодом лопатки. Его горячие руки на моих запястьях — контраст обжигает, горячее на холодном, — его запах — слегка алкоголь, парфюм, кожа, и ещё что-то тёплое, древесное, незнакомое.

— Привет, — слышу, как он говорит это медленно, почти шёпотом. Его голос вибрирует, я чувствую эту вибрацию кожей — так близко он стоит. Он схватил мои руки и прижал их тоже к поверхности, выложенной плиткой. Плитка холодная, скользкая под ладонями, его хватка крепкая, пальцы впиваются в кожу — чувствую каждый палец по отдельности, горячий, твёрдый.

— Привет, — голос дрожит. Я как-то ошарашенно на него смотрела. Вижу его лицо близко — слишком близко — он брюнет, а глаза зелёные. С какими-то золотистыми вкраплениями вокруг зрачка, как брызги на тёмной воде. Интересно, что я это заметила именно сейчас.

— Не ожидала? — слышу его вопрос, чувствую его дыхание на своём лице — тёплое, с привкусом алкоголя. Взгляд тяжёлый, как будто проникает внутрь, как будто видит что-то, чего я сама о себе не знаю. А почему я должна была его

ожидать?

— Нет, пусти, — пытаюсь вырваться, чувствую, как напрягаются мышцы, но сил нет — его руки даже не дрогнули. Я не хотела сейчас как-то там скандалить, просто... ну что он делает?

Вижу, как улыбается. Он улыбнулся так... Странно. Не зло, не мерзко — а как-то предвкушающе. Как человек, который развернул подарок и увидел именно то, что хотел. От этого стало ещё хуже. Мурашки пробежали по спине — мелкие, колючие, ледяные.

— Ну это теперь не скоро, — слышу его слова, они звучат немного хрипло, каждое слово отчётливое, как удар. Кровь холодеет.

— Что — не скоро? — голос подрагивает, во рту сухо, язык прилипает к нёбу. Решила всё-таки уточнить.

— Не скоро тебя выпустим, — слышу отчётливо каждое слово. Вы-пу-стим. Множественное число. Значит, не только он.

Холод накрывает волной — от макушки до кончиков пальцев, — сердце колотится так сильно, что больно в груди, руки и ноги немеют, как будто перетянуты жгутами. Как-то мне совсем не по себе стало. Как это так? Что он имеет в виду? Мне не просто стало не по себе, а даже как-то страшно. Дышать трудно, ком в горле — большой, колючий, — слёзы подступают, жгут глаза изнутри. Но здесь же Олег. Это его дом. Ничего не может случиться плохого. У нас хорошие от-

ношения!

— Как это? — слышу свой дрожащий голос.

— Пошли, здесь неудобно. Ты же девочка, да? — слышу, как он говорит это почти нежно, но в голосе что-то хищное — как кошка, которая мурлычет, прижав мышку лапой. Как-то неловко стало, что Олег ему рассказал. Понятно, что они друзья, это было очень чётко видно всегда, но всё равно. Что ещё он ему рассказал? Что я девочка? Что живу одна? Что смотрю на него влюблёнными глазами и даю списывать? А ему это зачем?

— Ну да, — шепчу, опускаю глаза. Вижу кафельный пол — швы между плитками, трещинку в одной из них, — и не стала отрицать. Глупо отрицать очевидное.

Чувствую, как он хватает мою руку — пальцы железные, холодные несмотря на тепло кожи. Хватка такая, что кости запястья чуть хрустнули. Он взял меня довольно крепко за руку и потянул на выход. Как только мы вышли из коридорчика, который соединял бассейн с домом, я стала вырываться — ведь прихожая и выход были рядом, вижу дверь, такую близкую — входная дверь, тяжёлая, деревянная, за ней свобода, такси, дорога домой:

— Пусти! Я домой поеду. Где Олег? — повышаю голос почти до крика. Слышу, как мой голос отдаётся в высоких потолках, мечется между деревянными балками. Пыталась выдернуть руку, но не удавалось — он очень сильный парень. Чувствую бесполезность собственных усилий — как тянуть

канат, привязанный к столбу.

— А тебе прям сразу Олег нужен? — слышу насмешку в голосе, вижу усмешку — уголок рта приподнят, в глазах что-то тёмное, весёлое. Что значит — сразу?!

— Отпусти меня! — я стала уже паниковать. Дрожь по всему телу, ноги подкашиваются, сердце готово выпрыгнуть — я чувствую его в горле, в висках, в кончиках пальцев. Что... это... зачем. Олег мне ничего не сказал. Я не хочу с ним. Я вообще так не хочу! Я его даже не знаю толком.

Намерения Бори как-то переставали быть для меня туманными и непонятными. Физиологически я может и девочка, но не полная же дура. Я чувствовала, как пазл складывается в голове — противный, мерзкий пазл, который мне совсем не хотелось собирать.

Печальное осознание того, что Олег так меня подставил, накрывало каким-то отчаянием — густым, удушливым, как тот запах эфирных масел в хамаме. Зачем он так со мной? Что я ему сделала? У нас же были хорошие отношения! Я ему конспекты давала, шпоры делала, мы по часу по телефону болтали — я слышала его голос в трубке, он звучал по-другому, мягче, домашнее. Я ему призналась, что девочка! Так нельзя!

— Да куда ты не пойдёшь, — тут он подхватил меня чуть ниже попы за ноги, поднял и закинул на плечо. Чувствую, как мир переворачивается — кровь приливает к голове, его плечо впивается в живот, твёрдое, костлявое. Пах-

нет его футболкой — порошок, пот, парфюм. И понёс... на-
верх... ну туда, где спальни. Слышу его шаги на ступенях —
тяжёлые, уверенные, как будто он несёт не девушку против
воли, а мешок с продуктами.

Глава 3.

— Отпусти меня! — я пыталась оттолкнуться от него, чтобы выпрямиться, и что? Он меня держит за ноги, я всё равно не могу с него слезть. Чувствую, как его пальцы впиваются в мои бёдра — крепко, до синяков. Паника увеличивалась — ну так же нельзя, ну он же не может, если я не хочу!

— Я не хочу, отпусти меня, — решила уже озвучить своё нежелание с ним трахаться. Потому что вряд ли по какому-то другому поводу можно тащить силой девушку в спальню. Голос звучит срывающимся, надломленным.

— Чего не хочешь? — спокойно переспросил он, продолжая нести по лестнице. Я слышу скрип деревянных ступеней под его весом. Я хотела ухватиться за перила — вижу их, деревянные, гладкие, так близко, — но он резко повернулся, чтобы я не дотянулась. Чувствую инерцию, мир качнулся.

— Олег! — стала кричать. Ну он же должен его остановить! Мой голос бьётся о стены, о высокий потолок, улетает вверх и затихает.

— Что? — он вышел из одной из спален. Спокойно. Неторопливо. И облокотился о косяк двери. Посмотрел на нас с такой лёгкой улыбочкой. Вижу — волосы чуть лохматые, рубашка расстёгнута, открывает загорелую ключицу, в руке стакан с чем-то янтарным. Совершенно расслабленный. Как будто ничего особенного не происходит. Как будто каждый

день так — друг тащит девушку в спальню, а он стоит и потягивает виски.

— Скажи ему, чтобы он меня отпустил, — попросила я, хотя вся его поза показывала, что просьба эта не имеет никакого смысла. Я слышала своё собственное сердцебиение — бешеное, гулкое.

— Неа. А ты думала, зачем я тебя пригласил? — спросил он меня. Просто так. Без тени стыда. Как спрашивают «хочешь чаю?». Его голос звучал легко, почти весело.

— Зачем? — я смотрела и не понимала — как он так может со мной! Вижу его лицо — знакомое, красивое, то самое лицо, от которого у меня колени подкашивались в коридоре Универа, — и не узнаю. Совсем другой человек смотрит на меня этими глазами.

— Боря девочку хотел, — спокойно тоже ответил он мне. Нет, ну так не может быть. Я правда доверяла ему. Слова бьют — каждое по отдельности, как камни. Боря. Девочку. Хотел. Три слова, которые перечёркивают всё — все звонки, все смски, все разговоры.

— Ну а я потом подойду, если захочешь, — добавил он. Так буднично, будто про кино предлагает.

— Что? Нет!!! — от отчаяния на глаза навернулись слёзы, горячие, они обжигают щёки. — Не надо, отпустите меня!

Олег усмехнулся, повернулся и ушёл обратно в ту же спальню, откуда вышел. Слышу, как закрывается дверь за ним — мягко, равнодушно. А Боря занёс меня в другую

и бросил на кровать. Чувствую, как матрас пружинит подо мной, мягко обхватывает тело. Мне не хотелось верить ни ушам, ни глазам — но было очевидно — мажорчик меня предал.

Я тут же сгруппировалась, приземлившись на кровать, подтянув к себе ноги — колени к подбородку, руки обхватывают голени, я стала маленькой, сжатой, как можно меньше:

— Не трогай меня, — мне не хотелось верить и думать, что это со мной происходит. Голос тихий, но твёрдый.

— Неактуальное замечание, — он стягивал майку и растёгивал ремень на джинсах. Внутри как-то всё нехорошо сжалось — ледяной комок где-то под солнечным сплетением. Вижу — под майкой рельефное тело, широкие плечи, мышцы перекачиваются под кожей, как у хищника. Пловец, подумалось некстати. Откуда я знаю? Не знаю — просто так тело выглядит.

Я попыталась слезть с кровати, но он меня поймал — легко, как котёнка:

— Будешь вырываться — свяжу, — слышу угрозу в его голосе, холодную, спокойную, как констатацию факта. Ему удалось поместить меня к себе на колени, чувствую твёрдость его бёдер под собой, запах его кожи — мужской, тёплый, настойчивый. Обхватив в кольцо рук — и он дёрнул собственный ремень. Слышу звук кожи, скользящей через шлёвки джинсов — шуршащий, змеиный, — металлический звон пряжки. Показывая, чем он меня свяжет.

— Не надо, не надо, я в полицию пойду! — голос дрожит. Стала уже угрожать. Слышу, как слова звучат неубедительно — даже для меня самой.

— Ого, правда, что ли? — слышу, как он смеётся, глухо. Издевался он надо мной. — Сама приехала, сама на ночь осталась, тебе прям поверят!

Эти слова неприятно режут слух — каждое как наждачка по живому. Понимание приходит — он прав, кто мне поверит? Приехала в загородный дом к парню на вечеринку, осталась на ночь. Классическая ситуация. Холод отчаяния — не тот, который от плитки, а другой, внутренний, безнадежный.

— Отпусти, я не хочу, это насилие! — выкрикиваю чётко, громко, надеясь на что-то. Я старалась как можно чётче высказать своё «нет»! Может быть, если повторить достаточно раз, он услышит.

— А вдруг тебе понравится? — чувствую, как он сильно прижимает меня, его тело горячее, твёрдое, как нагретый камень. Начал целовать шею. Губы горячие, движутся по коже медленно, влажно, чувствую, как кусает, втягивает кожу — будет засос, мелькает абсурдная мысль. Горячее дыхание обжигает, слышу, как он тяжело дышит — шумно, с присвистом. Я замерла — как кролик перед удавом, — но потом опомнилась.

— Я не хочу, отпусти, — слова даются с трудом, каждое приходится выталкивать из себя. Я пыталась высвободиться, но ничего не получалось — он больше и сильнее. Чувствую свою беспомощность, слабость — физическую, осязаемую, как верёвки на запястьях, которых ещё нет, но уже как будто есть. Он так и держал меня на коленях и продолжал целовать шею, и прикусывать мочку уха — слышу влажные звуки его губ, чувствую, как его язык касается кожи за ухом.

— Ну что, связывать? — слышу вопрос, голос хриплый.

— Не надо, — всхлипываю, вижу размыто сквозь слёзы — всё расплывается, превращается в цветные пятна. Я понимала, что уже плачу. Мне было страшно, что он меня может ещё и связать. Представляю ремень на запястьях — грубую кожу, беспомощность, — ужас сковывает тело.

— Сама? — слышу голос у самого уха. Его дыхание щекочет, обжигает. Нет, я так не хочу! Я его даже не знаю!

— Нет! Выпусти! — последняя попытка, голос срывается.

Чувствую, как он ловит мои руки — ловко, быстро, как будто делал это не раз — и правда стал стягивать ремень на моих запястьях. Кожа ремня грубая, холодная, затягивается, врезается в кожу, слышу, как пряжка щёлкает — металлический, окончательный звук.

— Отпусти, мне больно, — Осознание неизбежности происходящего просто размазывало меня по асфальту. Внутри всё проваливается в пустоту — чёрную, бездонную, — холод

и отчаяние заполняют до краёв, как вода заполняет тонущий корабль. Ну нет, так нельзя поступать!

— А я не хотел, — слышу его слова, без тени сожаления. Прокомментировал он вынужденность, оказывается, своих действий. Как будто это я его заставила.

— Борь, Боря, не трогай меня, — умоляю, перехожу на мольбу. Слезы лились из глаз — горячие, солёные, я чувствую их вкус на губах.

Глава 4.

Потом он резко кинул меня опять на кровать — падаю, матрас мягкий, я буквально проваливаюсь в него — и быстро стянул свои джинсы. Слышу звук расстёгивающейся молнии — короткий, резкий, — шорох ткани. Стоит. Уже. Вижу, отворачиваюсь, хочу закрыть глаза, но не могу отвести взгляд — парализована. Мне страшно. Дрожу всем телом — мелкая, противная дрожь. Кажется, он у него большой. Это больно?

— Олег! — кричу изо всех сил, голос срывается, эхом отдаётся в пустом доме, но никто не отвечает. Тишина после моего крика ещё страшнее, чем сам крик. Ну так не может быть. Он не может так со мной!

— Я один сначала хочу, — голос звучит мягко, как будто уговаривает ребёнка. И стал стягивать с меня штанишки — ткань скользит по коже, я чувствую, как обнажается тело, холодный воздух касается бёдер, — несмотря на то что я выворачивалась, но руки были уже связаны.

Что значит — сначала? Что это значит? Они вдвоём... вдвоём потом хотят? Мысль обжигает, как кипяток.

— Пожалуйста, не трогай, — я плачу, и одновременно чувствую его тёплые руки на моих бёдрах. Большие, горячие ладони обхватывают кожу — контраст с моим ледяным от страха телом.

— Расслабься, и всё будет хорошо, — слышу его голос, хриплый и явно возбуждённый. В голосе слышится нетерпение, которое он пытается прикрыть заботой.

Он уже был голый. Сильное накачанное тело — вижу рельефные мышцы, тени ложатся в углубления между ними. Он резко раздвинул мои ноги и лёг сверху, касаясь членом киски. Чувствую его вес — он давит, вжимает меня в матрас.

— Не надо. Я правда в полицию пойду, — продолжила я опять угрожать. Голос звучит хрипло, неубедительно.

— Никуда ты не пойдёшь, — уже с раздражением сказал он. — Лучше расслабься, а то правда больно будет.

Он одной рукой стал пытаться меня возбудить. Нашупал клитор и массировал его, но это было так себе — мне было страшно, и я не испытывала никакого возбуждения. Чувствую только давление пальцев, механическое, без отклика в теле. Мне было страшно и ужасно от того, что всё так. Что меня просто трахнут и всё. Пошло и грубо. Как я так попала?

— Блин, ну невозможно, давай, расслабляйся, — потребовал он. Слышу раздражение в его голосе. Я понимала, что у меня там сухо и это будет правда ужасно. Наверное, ужасно больно. Чувствую, как всё тело напрягается, сжимается, отказывается принимать.

— Я боюсь, мне больно, — стала опять просить.

— Сейчас тебе не больно, но если не расслабишься, то явно будет, — он перешёл к тому, чтобы головкой члена чуть протолкнуться мне внутрь. Чувствую давление — тупое, на-

стойчивое, тело сопротивляется.

— Не надо, Боря, не надо, — я продолжала просить, всё ещё надеясь. Голос уже совсем тихий, молящий.

Тут вошёл Олег! У меня появилась надежда — вижу его силуэт в дверях, и что-то внутри вспыхивает — вот сейчас он скажет «хватит», сейчас он его остановит, сейчас...

— Блин, Борь, ты чего её связал, так ещё следы останутся, — как-то именно об этом забеспокоился он! Слышу его голос — недовольный, но не от того, что его друг насилует девушку, а от того, что могут быть следы. Надежда гаснет — мгновенно, как задутая свеча.

— Так она вырывается, — объяснил тот. Как будто это очень логичное, а главное — совершенно обоснованное оправдание. Голос спокойный, деловитый.

— Мил, ты чего? — Олег сел на кровать. Чувствую, как матрас продавливается под его весом, чувствую тепло его бедра рядом с моим. — Боря не любит, когда девочки так выкобениваются, — стал таким образом он меня уговаривать?! Слышу его голос — мягкий, увещающий, как у няньки.

— Ну пожалуйста, пустите, — просила я. Мне просто не хотелось верить, что Олег так поступил и поступает со мной. Голос ломается, слова рвутся.

Но Олег вместо того, чтобы остановить друга, задрал мою кофточку и высвободил грудь из лифчика. Чувствую прохладный воздух на обнажённой коже, мурашки.

— Мне кажется, так лучше, — прокомментировал он,

рассматривая мою грудь с каким-то живым, нескрываемым интересом. Вижу его взгляд — оценивающий.

И нагнулся, чтобы языком провести вокруг соска. Чувствую мокрое, тёплое прикосновение — тело предательски реагирует, сосок твердеет. Я замерла. Это какой-то ужас. Почему он так со мной?

А Боря в это время водил у входа, чуть проникая внутрь. Чувствую двойное — язык Олега на груди и давление Бори внизу, и тело начинает отзываться помимо моей воли. Олег перешёл ко второй груди, сменяя первую рукой — чувствую его пальцы, жёсткие, торопливые.

— О, процесс кажется пошёл, — прокомментировал Борис. Это я намокаю? Ну мне же нравится Олег... Тело — предатель, абсолютный, безоговорочный предатель. И вдруг он резко вогнал — я выгнулась и вскрикнула. Больно! Слышу свой крик — резкий, короткий, — и чувствую, как что-то рвётся внутри. Боль — острая, обжигающая, распирающая.

— Чшш, — тихо сказал он. — Ну вот, вначале оно всегда так. Голос почти ласковый. Как будто утешает.

Он не двигался. Я переводила дыхание — хватаю воздух ртом, чувствую, как грудная клетка ходит ходуном, — чтобы как-то... как-то привыкнуть? Привыкнуть к его члену?! Да что за кошмар со мной творится. Чувствую его внутри — большой, полностью заполняющий, растягивающий.

А Олег продолжал заниматься моей грудью. Боря слегка отклонился, чтобы рукой начать опять массировать мой

клицор. Чувствую его палец — настойчивый, умелый, и тело опять начинает реагировать. Ненавижу.

— Ну зачем вы, не надо, — уже как-то вяло говорила я, продолжая плакать. Слёзы текут по вискам — горячие, щекочут кожу.

Тут Олег начал развязывать мои руки:

— Не сопротивляйся, — посоветовал он. — Расслабься.

Наверное, это уже было как-то глупо, но я попыталась руками отпихнуть Борю, и Олег тут же их схватил — чувствую его пальцы на запястьях, там, где ремень оставил горячие полосы.

— Я же говорил, мне пришлось, — так прокомментировал он то, что связал меня. Пришлось! Слышу самодовольство в его голосе.

Я лишь ускорила то, что он начал двигаться. Чувствую каждое движение — больно, но уже не так остро, тупая, растягивающая боль.

— Больно, не надо, — как-то уже было... всё равно? Не знаю... Наверное. Он скоро закончит?

— Ты привыкнешь, расслабься, — опять повторил Боря, измываясь над моей киской всё увеличивающимися по темпу толчками. Слышу ритмичные, мерзкие звуки — влажные, чавкающие. Я отвернулась, лицо было в слезах.

— Смотри на меня, — потребовал он, но я не поворачивалась. Тогда он сам взял меня за подбородок — пальцы твёрдые, шершавые — и повернул к себе, продолжая резко

и быстро вгонять. Вижу его лицо — напряжённое, глаза полузакрыты.

А Олег держал мои руки... Как отвратительно. Он пригласил меня просто для своего друга, потому что тот хотел девочку! Какая пошлость. Как же я купилась?!

— Мила, успокойся, скоро пройдёт, — стал успокаивать меня Олег. Его голос звучит фальшиво-заботливо. Ну да... пройдёт...

Глава 5.

Боря наконец вытащил и кончил мне на живот. Чувствую — горячее, липкое.

— Блин, так себе зрелище, — прокомментировал он свой член в моей крови.

— Пустите, — я стала высвобождаться, но сейчас меня уже никто и не держал.

— Пошли купаться, — потянул меня Боря в ванну, которая, как оказалось, была расположена между двух спален.

— Она в полицию собиралась, — рассказал Боря, стоя за моей спиной в душе и намыливая гелем. Какой-то ягодный. Клубника? Да какая разница! Его руки скользили по моему телу — методично, уверенно, как будто имел на это полное право. Чувствую каждое прикосновение — скользкое, мыльное, — и ненавижу, как тело отзывается на эту заботу. Тёплая вода текла, смывая кровь и слёзы, и было что-то невыносимое в том, что она смывает и все следы того, что произошло. Слышу шум воды — монотонный, равнодушный.

— Мил, ты что? Какая полиция? — Олег просто стоял в ванной, совершенно спокойно смотря на нас. Облокотился о стену, скрестив руки на груди.

Я прикусила губу — чувствую солёный привкус крови. Действительно, какая теперь полиция. Бред. Всё равно бы сказали, что сама. Ну как же — разве можно таким отка-

зять?!

Да если бы один Олег, я бы... и не отказала. Хотя и не хотела быть сто двадцать пятой, но всё равно. Скорей всего бы не отказала. Хотя... не знаю... сейчас ничего уже не знаю. В голове каша — мысли скачут, путаются, налезают друг на друга.

— Слушайте, спать так хочется, — признался Олег, зевнув.

— А если она сбежит?

— Мил, ты же не сбежишь, да? — спросил меня Олег. Его голос звучит так обыденно, что хочется завывать.

Я удивлённо посмотрела на него:

— Я домой, — озвучила своё намерение.

— Я же тебе сказал, родаки мне на все каникулы дом оставили, — непонимающе так высказал он мне. Что?! Слышу эти слова и не могу поверить — он что, думает, я здесь на каникулах?

— Мил, если убежишь, весь Универ будет знать в подробностях, как мы тебя в две дырочки пялили, — стал шантажировать он. Слова бьют наотмашь. А мне сейчас это важно? В полицию я не пойду. А такие шикарные сплетни... совсем не хочется.

— Оно пройдёт и всё будет классно, и никто не узнает, — стал он уже по-другому уламывать. Голос мягкий, уговаривающий, и от этой мягкости ещё мерзее.

— Она со мной, — решил Боря. Я вздрогнула. Ощущение

боли от его члена ещё не прошло — тупая, ноющая, пульсирующая.

Олег ушёл в свою спальню. Слышу его шаги — лёгкие, удаляющиеся, и щелчок закрывшейся двери. Боря подхватил меня и отнёс на кровать — легко, как ребёнка, — накрыл одеялом. Голую. Чувствую мягкость одеяла на обнажённой коже — тёплое, пуховое. Я свернулась калачиком и тихо заплакала. Так обидно!

— Эй, Мил, ну вообще что ли никак? Прямо больно-больно? — он стал гладить меня по спине. Рука тёплая, большая, движения медленные, почти нежные. Чувствую каждый сантиметр его ладони — от лопаток вниз, вдоль позвоночника, и обратно. Странно — те же руки, которые только что держали мои запястья и затягивали ремень.

— Больно, — призналась я. Голос совсем тихий, севший.

— Поспи и всё пройдёт, или может парацетамол? — предложил он.

— Если есть, давай.

— Не уходи, поняла? — предупредил он, медленно поднимаясь с кровати. Чувствую, как матрас выпрямляется, когда исчезает его вес.

Я кивнула. Какая теперь разница. А угроза про связать так неприятно стояла в ушах — как звук после удара колокола, затихающий, но не исчезающий.

Он натянул джинсы без трусов и пошёл вниз — слышу его шаги на лестнице, скрип ступеней, — вскоре вернувшись с

двумя таблетками. А не одной.

— Что это? — испугалась.

— Успокоительное и парацетамол.

— Честно? — а то вдруг что-то подсунет. Смотрю на таблетки — обычные, белые, маленькие.

— Честно, спать хочется, давай, — он протянул их мне. Я решила просто поверить. Почему-то.

Выпив таблетки — чувствую, как они проскальзывают по горлу, горьковатый привкус на языке, — опять свернулась клубочком, а он лёг рядом и продолжил гладить по спине. Чувствую тепло его тела рядом — большого, горячего. Его дыхание — ровное, размеренное — касается моего затылка.

— А у меня правда раньше девочек не было, я не знаю, как это обычно, — стал зачем-то рассказывать мне Боря. Его голос звучит задумчиво, почти виновато.

— Блин, чуть было не спросил — а у тебя, — почему-то засмеялся. Смех у него низкий, хриплый. Ну да — у меня точно девочек не было!

— Ну повернись, — он стал меня переворачивать на спину. Я не хотела, но что — я сейчас вот уже после всего начну яро сопротивляться? Перевернулась, и он поцеловал. Аккуратно. Чувствую его губы — мягкие, тёплые, осторожные, совсем не такие, как когда он целовал шею. Да. Интересно. Это вот получилось, что первый раз поцеловал. Сначала вставил — потом поцеловал. Абсурд какой-то. Я закрыла глаза. Что-то чувствую? Не знаю.

— Боря, а ты понимаешь, что я сказала нет? Ты как будто не слышал? — мои слова повисли в воздухе, растворились в тишине. Звенящая, оглушающая тишина заполнила комнату, давила на барабанные перепонки. Я слышала только собственное прерывистое дыхание и далёкое гудение крови в ушах. Я видела, как его силуэт склоняется надо мной в полумраке — большой, тёмный, заполняющий всё пространство.

Я пыталась понять — а он вообще, как это себе представляет? Что дальше? Утром проснёмся, и он скажет «доброе утро, как дела?»

— Нет, не слышал, — его голос прозвучал хрипло, почти шёпотом, когда он нежно коснулся губами моей шеи. Чувствую мягкое прикосновение — контраст с жёсткостью его слов.

Нагло. Просто нагло заявил. Холод пробежал по позвоночнику — от затылка до копчика, как ледяная змейка. Что и как я смогу теперь доказать? А он «не слышал». А я ничего не сказала, оказывается. Удобно.

Я чувствовала себя ужасно — тяжесть оседала в груди, тошнота подкатывала к горлу. Внутри всё сжималось, будто невидимый кулак стискивал рёбра. Ну как-то я читала об этом... Вроде же всё знала... А не думала, что со мной так могут поступить. Это всегда с кем-то другим, в новостях, в чужих историях.

Он лёг на живот и положил на меня руку — тёплую, тяжёлую, как якорь, не дающий уплыть. Я чувствовала её вес

на своём теле — давящий, но не больно, скорее обволакивающий. Я подумала, что дождусь, когда он уснёт, и уеду.

Я лежала и смотрела через полупрозрачную тюль на мягко падающий снег за окном. Белые хлопья медленно кружились в желтоватом свете фонаря, создавая почти гипнотический узор — вижу, как каждая снежинка описывает свою спираль, медленную, ленивую. Подушка была мягкой под головой — пуховой, проваливающейся, — одеяло тёплым и уютным. Матрас проваливался под тяжестью тела, обволакивал, как облако. Слышу тиканье часов где-то в доме — далёкое, мерное, — и его дыхание рядом.

Глава 6.

Вот если бы всё было не так? А как-то по-другому? Ну нормально как-то. Ну вот представить — он подошёл бы, познакомился, пригласил в кафе. Мы бы пили кофе, болтали. Потом кино. Потом он бы поцеловал. И всё бы пришло постепенно, мягко. Мне бы, наверное, тогда должно было быть хорошо, а не так ужасно.

Чисто физический комфорт — мягкость, тепло, тишина — сглаживал острые углы неприятных эмоций, притуплял их. Тело предательски расслаблялось. Чувствую, как мышцы, которые были натянуты до предела, начинают отпускать — медленно, неохотно, как пальцы, разжимающие верёвку. И я всё равно уснула...

+++++

А ведь совсем недавно всё было совсем по-другому.

Я стояла в коридоре Универа, вглядываясь в исписанные конспекты — вопросы очередного коллоквиума, к которому готовилась почти всю ночь, проносились калейдоскопом формул и определений. Вероятно, я подвисла и просто замерла посреди коридора, не замечая шума вокруг — слышу чьи-то голоса, шаги, хлопанье дверей, — потому что не услышала, как он подошёл.

Коридоры у нас были довольно широкие, окна большие с подоконниками, и даже стояли периодически где-то неболь-

шие деревья в кадках. Свет из окон ложился тёплыми полосами на настоящий паркет — вижу эти полосы, золотистые, пыльные, — и я чувствовала их тепло, когда случайно останавливалась в такой полосе. Стены были покрашены в приятный песочно-бежевый цвет, который напоминал мне тёплое молоко — мягкий, уютный оттенок.

За окном был декабрь — снег только вот начал толком идти. Пасмурно, но когда снежок — как-то даже и приятно, смотришь, как он кружится за стеклом, медленно опускается. Белый цвет улучшает настроение. Я чувствовала на губах привкус утреннего кофе — горьковатый, бодрящий.

— Списать дашь? — его голос прозвучал так близко к моему уху, что по спине пробежала волна мурашек — от затылка до поясницы, целая армия крошечных иголок. Приятный морской парфюм, свежий, словно морской бриз смешался с чем-то древесным — я чувствовала этот запах, он окутывал, обволакивал, — запах кожи и едва уловимый аромат свежевывстиранной одежды.

Офигеть — это он? Это правда он? Сердце заколотилось быстрее, а во рту пересохло. На самом деле мы знакомы. Ну да, мы учимся вместе. Хотя... разница в социальном положении настолько ощутима, что сказать, что у нас общие интересы, мягко говоря, сложно.

Олег. Можно сказать — самый настоящий мажор. У его папы что-то много всего. Вот много. И бензозаправки, и стройки целых кварталов и комплексов. И мне кажется, ещё

транспортная компания. Олег симпатичный. Блин — он просто пипец какой симпатичный! Приятные черты лица, всегда идеальная укладка — вижу, как светлые пёрышки волос переливаются в свете из окна, — эта уверенная, но мягкая улыбка. Понятное дело, он об этом знает, и все девчонки такого же мнения. Я чувствовала, что слегка краснею — жар поднимается от шеи к щекам.

Мне 18. И скоро Новый Год. Родители в Питере работают. Уже три года. Я пока здесь учусь, живу одна в родительской квартире. Свобода — это невероятное чувство. Подружки облюбовали мою квартирку, заваливаются допоздна. Слышу их смех ещё с лестничной площадки — звонкий, залихватистый.

У меня пока не случилось. Секс не случился. Ну вот просто так получилось! Не берегу, но и не спешу залезть на первый попавшийся. А зачем? Хочется любви? Конечно хочется! А кому не хочется?

— Дам, — выдыхаю чуть дрогнувшим голосом и поворачиваюсь. Чувствую, как колени немножко ватные. Он самодовольно улыбается — вижу, как уголки его губ приподнимаются, в глазах блестят озорные искорки. Нет, ну это неприлично быть таким офигительным.

— Мил, приходи ко мне в воскресенье, я тусню по поводу католического Рождества устраиваю, будет классно, загородный дом, родаки в Тай мотанут, — я чувствую, как глаза расширяются от удивления, пульс учащается — слышу его в

ушах, ритмичный, быстрый. Никуда и никогда он меня раньше не приглашал!

А хотелось. Ночами представляла, как окажусь в его компании, в его мире. Лёжа в своей кровати, закрыв глаза, я видела, как мы танцуем, как он смотрит на меня, как берёт за руку. И сейчас — рождественская вечеринка! Внутри будто фейерверк — искры разлетаются по всему телу. Ну да — не их я круга. Машины нет, папы с автозаправками тоже. Ощущения странные и смешанные — когда сильно хочется, но немного страшно.

— Да, конечно! Спасибо! — слова на одном дыхании. Вылетают быстрее, чем я успеваю подумать.

— Сейчас адрес скину. Доедешь как-нибудь, а обратно может кому на хвост упадёшь, — слышу в его голосе лёгкую заботу. Неожиданную, приятную. Теплеет внутри — как от глотка горячего чая.

Подружки завидовали и шантажировали — слышала их взволнованные голоса в трубке: мол, бросаешь, предаёшь! Голоса звучали обиженно, но я чувствовала — они меня понимают. От таких приглашений не отказываются. Знакомства. Вдруг свободный парень будет? Не все же они такие... блядствующие.

Я даже пошла по магазинам. Ходила между рядами, трогала ткани — вот эта слишком дешёвая на ощупь, синтетическая, скользкая, эта лучше, но цвет не тот. Выхватила на скидках синий костюмчик — 70%! Обтягивающие брючки,

кофточка-летучая мышь. Ткань приятная на ощупь, немного тянется, блестит при свете. В примерочной крутилась перед зеркалом — вижу, как ткань облегает фигуру, подчёркивает талию, обтягивает бёдра, — да, сидит отлично.

24 декабря. Пушистый снежок — вижу крупные хлопья за окном, они оседают на стёклах. Воздух морозный, свежий, слышно, как снег скрипит под ногами — мягкий, уютный звук. Взяла такси. Села на заднее сиденье, чувствую, как нервничаю — руки прохладные, сухие, я потираю ладони друг о друга. Слышу приглушённую музыку из радио, чувствую запах ёлочного освежителя в машине.

Дом был в стиле шале, из дерева хорошего качества. Вижу тёмные массивные балки, большие панорамные окна, тёплый свет льётся изнутри — золотистый, манящий. На парковке всё заставлено классными дорогими авто — блестят под фонарями, слышу где-то вдалеке музыку, смех. Снег хрустит под моими новыми туфлями — тонкий, хрупкий звук. Холодно, но волнение согревает изнутри.

— Ух ты, прям как ёлочка новогодняя, только синяя, — слышу знакомый голос Олега — он звучит радостно, звонко. Он легко подлетел и надел на меня золотистую мишуру. Мишура щекочет шею, шуршит, холодит кожу — лёгкая, блестящая. Чмокнул в щёку — губы тёплые, быстро коснулись, оставили приятное ощущение. Но совсем по-дружески. Ну и ладно!

Народу много. Шум голосов, смех, музыка — всё это сме-

шивается в один гул, тёплый, праздничный. Чувствую тепло, запах дерева, запах глинтвейна и хвои, звон бокалов — хрустальный, звенящий. Горит камин — вижу живые языки пламени, слышу потрескивание дров, чувствую его жар даже издалека. Ёлка огромная, почти до потолка, увешанная шарами, гирлянды мигают разными цветами.

Глава 7.

Я пила шампанское — пузырьки защекотали нос, холодное, кисловатое, приятное. Голова чуть закружилась. Чувствую лёгкость, тепло разливается по телу. Олег пригласил на медленный танец — его рука на талии, тёплая, уверенная. Его запах окутывает — я чувствую каждый оттенок: морской, древесный, кожаный. Мы двигаемся синхронно. Подумалось — раз хорошо танцует, то и... Но проверять не буду!

— Мил, я тебя потом посажу к кому-то, не парься, слышишь? — прижимал близко, чувствую тепло его тела, упругое тело, — голос звучит прямо у моего уха, низкий, спокойный. Но ничего «такого» не говорил и не предлагал.

Я делала селфи, и ко мне подседа Лиза — лет двадцать один, не из нашего Универа. Уверенная, звонкий смех. Дорогие туфли — вижу лакированную кожу, шпильки, явно бренд. Мы сфоткались — я слышу щелчок камеры, вижу наши лица на экране.

Потом сверху спустился друг Олега — вижу, как он появляется на лестнице: высокий, широкоплечий, уверенная походка. Тот, которого я пару раз видела. Другой — и повзрослее, и brutальнее. Он двигался по-другому — тяжелее, весомее, каждый шаг будто оставлял след.

— И он здесь, — голос Лизы изменился — слышу, как из звонкого и весёлого он стал напряжённым, почти испуган-

ным. Она передёрнула плечами — резко, нервно — и тут же куда-то упорхнула, как испугнутая птица.

— А что? Он же друг Олега, — удивилась я. Смотрю на Лизу — вижу, как её лицо стало серьёзным, глаза забегали.

— Ну да, друг, — и всё. Исчезла.

Позже Лиза подлетела снова — уже сильно пьяная. Плюхнулась рядом на диван — чувствую, как мягко продавился диван, слышу хлопок подушки, — чмокнула в щёку. Губы липкие от помады, пахнет алкоголем — сладковатым, резким. Вижу расширенные зрачки, невнятная речь.

— А у меня тоже была подружка, Вика, — слышу — голос дрожит, становится глухим, как из-под воды. С горечью. Надо же — как мою Викусю зовут!

— А где она сейчас?

Лиза показала пальцем наверх. Резко, почти агрессивно. Я оторопела — чувствую, как что-то холодное сжимает внутренности.

— Что случилось?

— Под машину попала. Вот так бывает, когда не с тем связываешься, — слова звучат зловеще, отчётливо. Каждое слово — как камень, брошенный в тихую воду. На что она намекает?!

Я хотела расспросить, но Лиза уже помахала кому-то — вижу, как она машет рукой, слышу искусственный, надрывный смех — и бодренько улетела на коленки к какому-то парню. Хотя вряд ли это был её парень. Смотрю ей вслед,

пытаюсь понять, что она имела в виду, но мысли путаются.

Все стали разъезжаться. Слышу голоса, прощания, хлопанье дверей машин снаружи. Олег молчал по поводу «подвезти». Начинаю нервничать — поглядываю на часы, на телефон. Потом подлетел откуда-то — слышу быстрые шаги за спиной, — обнял сзади. Чувствую его руки на плечах, тепло: — Мил, а ты мой бассейн видела?

Бассейн в отдельном стеклянном здании, соединённом с домом коридорчиком. Дверь туда была закрыта. Вижу его сквозь огромные окна — синие блики воды, свет, пальмы.

— Нет.

— Пошли, покажу, — голос спокойный, обыденный.

Он закрыл дверь за нами — слышу щелчок замка, тихий, но отчётливый. Ледяная иголочка кольнула где-то внутри. Не хочет, чтобы кто-то ещё туда шёл?

— Они все пьяные и обкуренные, ещё грохнется в воду кто-то, — объяснил. Голос звучит разумно, логично. Ну да, логично.

Бассейн — вода переливается синими бликами, плавные волны от фильтров. Подсветка, от которой вода сине-волшебного цвета — почти неоновая, светится изнутри. Я видела, как блики танцуют на стенах, слышала тихое журчание воды. Плитка морской волны, пальмы в кадках, бежевые шезлонги вдоль стены. За огромными окнами — темнота и снег. Тепло, влажно, пахнет чем-то чистым, озоновым.

— Классно тут.

— У меня ещё хамам есть, турецкая баня.

Стал рассказывать про плитку. Голос обыденный, спокойный. Я слушала, кивала, оказалась внутри — вижу облицованные стены, чувствую прохладу, слышу эхо наших шагов.

А Олег...

— Сейчас, подожди.

Вышел. Дверь хлопнула. С той стороны. Слышу этот хлопок — финальный, как выстрел стартового пистолета.

Я кинулась — ручка не поддается, холодная, мёртвая. Через матовое стекло — его силуэт. Размахивает рукой. Уходит.

Вот так я и попала в эту ситуацию.

+++++

Я проснулась от щекотного прикосновения к носу. Лёгкое, почти невесомое — как дуновение тёплого ветерка. Открыла глаза — яркий дневной свет резанул по зрачкам, больно, слепяще. Белизна потолка, размытые контуры комнаты. Я поняла, что заснула!

Боря держал в пальцах пушистое перышко, белое с сероватым отливом, и снова провёл по моему носу. Я чихнула.

— Доброе утро, — его голос прозвучал бархатисто, почти нежно. Слышу эту бархатность — она обволакивает, как тёплое одеяло.

Кошмар, кошмар — эти слова пульсировали в висках, стучали в ритме сердца. Как я могла заснуть! Я же хотела бежать, пока он спит. А теперь что? Ненавижу себя за эту сла-

бость, за то, что тело предало — уснуло в тепле и мягкости.

Я чувствовала тепло от его тела — оно было так близко, касалось меня, и это прикосновение жгло, как горячий уголь. Мурашки пробежали по коже. Было уже очень светло — солнечный свет заливал комнату, играл на стенах, рисовал золотые прямоугольники на полу. Явно полдень или даже час дня.

— Откуда у тебя это? — слышу свой голос, хриплый, севший от сна. Спрашиваю про перышко — как будто это сейчас самое важное.

— Из подушки, — просто.

Надо же. Перьевые подушки. Мягкие, пышные... Спалось действительно хорошо, мелькнула предательская мысль. Чувствую, как вмятина в подушке ещё хранит тепло моей щеки.

Но сейчас паника снова начала захлёстывать — горячая волна, поднимающаяся от живота к горлу. Сердце забилося быстрее, громко, будто пыталось выпрыгнуть из груди. Чего я здесь лежу, дура!

— Я домой, — стала выбираться, но он прижал меня своим весом к кровати. Тяжесть, невозможность пошевелиться — как камень на груди. Лёг сверху — давящий, горячий, его кожа обжигает мою кожу.

— Никуда ты не пойдёшь, — он наклонился и втянул верхнюю губу. Чувствую его губы — мягкие, тёплые, настойчивые. Я закрыла глаза и захотелось расслабиться. Подумать,

что всё в порядке. Обмануть себя. Но между ног ноет — ту-по, напоминающе.

— В туалет хочу, — я чувствовала тяжесть его тела, и казалось, что вот-вот... Под его весом необходимость дала о себе знать!

— А... ну туда — иди, — он слез. Чувствую облегчение — воздух наполняет лёгкие. Так, это первое, а потом просто оденусь и уйду. Замечательно — я голая! Боря, подперев голову сзади на подушке руками, рассматривал, как я фланирую в таком виде в ванну. Чувствую на себе его взгляд — тяжёлый, цепкий, — каждый сантиметр кожи горит под ним. Было очевидно по его выражению лица, что ему это нравится.

Глава 8.

Быстренько сделав дела, думала завернуться в полотенце, но Боря очень быстро оказался тоже в ванной — слышу его шаги за дверью, и не успеваю среагировать — и прижал к раковине, встав за спиной. Чувствую холод фарфора спереди и жар его тела сзади. У него явно стояло, и он прислонил свой член к моей киске.

— Ну что, готова? — одновременно наклоняясь и целуя шею. Чувствую его губы — горячие, настойчивые, — и одновременно давление его тела сзади.

— Нет, не трогай, — да что я за дура такая, почему сразу всю одежду не взяла. Да потому что она лежала дальше, чем ванна!

— Давай попробуем, — он просто тёрся. Я чувствую его член между ног, пытаюсь держать их сомкнутыми — напрягаю мышцы изо всех сил.

— Не надо! Я же тебе чётко сказала — не хочу! — начала злиться. Да почему он всё выставляет так, что всё ок!

Я закричала. Из соседней спальни появился сонный Олег. Вижу — лохматый, помятый, с синяками под глазами, футболка мятая, — и никакой надежды на помощь в его расслабленной позе.

— Да что у вас тут опять? — зашёл спокойно, как будто каждое утро начинается с чужих криков в ванной.

— Не даёт даже попробовать, — пожаловался Боря. Как ребёнок, которому не дают игрушку.

Олег подошёл, одной рукой обхватил за рот — чувствую его ладонь, сухую, тёплую, она перекрывает дыхание наполовину, — другой заблокировал руки.

— Давай, — подбодрил друга. Одно слово. Короткое. Окончательное.

Как? Почему он так? Я ему всегда просто так давала спуск! Не за деньги! Как он может? Чувствую, как слёзы катятся по щекам и собираются на его ладони, закрывающей мой рот.

Боря уже с помощью руки, направляя, стал вставлять. Всё равно больно — чувствую вчерашнюю боль, которая не прошла, и новую, поверх неё. Пыталась вывернуться, заплакала больше от беспомощности — этого чувства, что ты ничего не можешь сделать, что твоё тело тебе не принадлежит. Быстро — две-три минуты. Утром обычно быстро, это я знала из теории.

Кончив, дал команду: «Отпускай». Олег спокойно отпустил. Ну вот как будто ничего такого не происходит — чисто другу помог! Подержал девушку, пока друг насиловал — обычное дело, утренняя рутина.

— Мил, ты чего рыдаешь, ты уже не девочка, — пошутил Олег. Слышу его смешок — лёгкий, равнодушный. Оставьте меня.

— Боря тебя на всю неделю проплатил, — вдруг выдал

Олег. Я в ужасе обернулась — чувствую, как кровь отливает от лица. Боря смотрел на него недобро — вижу, как его глаза сузились, челюсть напряглась.

— Ой, блять, ляпнул, — признался в «косяке» Олег!

В ушах звенело — тонко, пронзительно. Всё расплывчато от слёз. Полный хаос в голове — мысли налетают друг на друга, не складываются в слова.

— Что значит — проплатил? — мой голос звучит хрипловато, чужим.

— Ничего, — раздражённо Боря, не глядя на меня.

— Ну ладно, я с тобой поделюсь! — с разочарованием выдал мне Олег следующую ошеломительную фразу-предложение! Как будто речь шла о конспекте или шпоре на экзамен.

— Олег, уйди лучше, — посоветовал Боря. В его голосе — угроза, которой Олег, кажется, не замечает.

— Ну да, ок, — Олег, понимая, что видимо что-то испортил, поспешно удалился. Слышу его шаги — быстрые, убегающие.

— И сколько же ты ему заплатил? — в офигении спросила я. Да — я хотела знать. Во что меня оценили.

— 200 тысяч, — признался Боря. Ничего себе — нормальная зарплата менеджера. За мою невинность.

— Я тебе тоже могу заплатить, — недовольно пробурчал Боря. Как будто это что-то исправит.

— Так он поделиться обещал... — в растерянности. Я что — возьму эти деньги? Чувствую странное — смесь отвраще-

ния, обиды и чего-то ещё, чему нет названия. Меня просто продали?!

— Ага. Сказал и забыл тут же! — недовольно заметил Боря. Слышу в его голосе искреннее возмущение — как будто Олег нарушил деловое соглашение.

Он сгрёб меня и понёс на кровать. Тёплый, большой и очень крепкий — чувствую, как его мышцы напрягаются, когда он поднимает меня. Опять оказался сверху.

— Мне больно, — уже жалостливо. Голос ломается на последнем слоге.

— А в ротик? — игриво-сексуально. Типа я теперь в курсе, что должна отработать 200 кусков.

— Ты меня изнасиловал! А твой друг организовал! — пыталась я доказать, что там немало статей найдётся.

— Блин, какая ты неромантическая, — и опять поцеловал. Чувствую его губы — настойчивые, но мягкие. Ему это нравится? Целоваться?

— Боря, это правда! — посмотрела прямо в глаза. Вижу зелень с золотом — близко, глубоко.

— Правда-правда? — и опять поцеловал. Как будто поцелуи — это ответ на всё.

— Мне больно!

— Скоро пройдёт. Хорошо, я тебя там пока не трогаю. —

«Там он не трогает»! А... да что...

— Отпусти, домой хочу, — почти заплакала. Чувствую, как слёзы снова подступают — горячие, ненавистные.

— Тебе же сказали — неделя.

— Мне по фиг на ваши договорённости!

— А мне по фиг на твои смешные попытки выбраться, — он намекал, что я пытаюсь выбраться из-под него, но это маловероятно. Разница в размерах значительная. Чувствую его вес — неподъёмный, абсолютный. Я просто копошилась, как мышь.

— Будешь плохо себя вести — перейдём к освоению твоей попки. Или там уже не так девственно?

— Не надо, — честно испугалась. Чувствую, как ледяной холод разливается внутри — от этих слов, от этой угрозы.

— Тоже девственно? — улыбнулся. Вижу, как ямочка появляется на его левой щеке.

Я кивнула.

— Ну значит не зря Олежа стряс с меня бабло, — признал справедливость суммы. Голос довольный, удовлетворённый.

Предыстория. Борис.

Ну Олежа, ну красавца, опять девчонку какую-то склеил. Она по ходу уже стоит течёт, пока он там ей уши намазывает. Коридор Универа, свет из окон, запах столовки откуда-то тянет — капуста и компот, фу бля. Но она — нет, она пахнет чем-то цветочным, лёгким, я аж потянул ноздрями, когда мимо проходил.

О, заебунец, уже отвалил, уже с другой чуть ли не сосётся. Пиздец, не понимаю — ему вот не лень? Он же каждой уши намыливает, чуть ли наверное не в ЗАГС зовёт. А сам даже до постели не всегда доводит. Зачем? Ему кайф от самого процесса, что ли? Вот этого обожания в их глазах?

Нет, ну она просто... Офигенная. Волосы такие — пшеничные, что ли, светлые, и глаза — как у этих... лани, что ли? Большие, чуть удивлённые. И фигурка — блин, я аж залип.

— Это кто? — сразу спросил его, как подошёл. Я не часто в их Универе бываю, но тут заехал.

— Кто? — уже он опять успевает глазки кому-то строить — ебать!

— Кому ты сейчас уши в коридоре зассывал? — вот чего он тупит, как будто не очевидно, про кого я спрашиваю. Остальные — ну третий сорт не брак, как говорится.

Глава 9.

— А, — обернулся наконец! — Это Мила, я у неё всегда списываю, — довольно ответил. Ну охренеть — списывает. Такую девчонку — списывать. Использует как шпаргалку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.